

Поэт, разбивший сердце русской литературы

*Коммунист - daily, - 1997,
- 16 ден. - с. 13*

Вести лет со дня рождения Генриха Гейне

Генрих Гейне родился на два года раньше Пушкина и умер на двадцать лет позже. Два этих десятилетия позволили Гейне стать современником двух эпох. Он учился у Гегеля и Августа Шлегеля, а потом был другом Карла Маркса. Фридрих Энгельс перевел его «Силезских ткачей» с их мрачным утверждением «Германия, саван тебе мы ткем» на английский язык, и пролетариат обеих стран распространял стихотворение в листовках.

Как начинающий поэт Гейне посылал вирши великому Гете, а его «Последние песни» появились во Франции одновременно с первыми стихами Бодлера. В их строчках уже сквозили интонации нового века: «Фрагментарность вселенной мне что-то не нравится».

Творчество Гейне поначалу обещало быть романтическим. После окончания школы он приехал в Гамбург к своему дяде Соломону Гейне — одному из самых богатых местных банкиров. Там он обучался торговому делу и влюбился в свою кузину Амалию. Таланта к коммерции у Генриха не обнаружилось, зато неуступчивость и равнодушие кузины высекали первую искру поэтического дара. Десять последующих лет, презираемый своими здоровомыслящими родственниками, Гейне превращал неразделенную любовь в шедевры мировой лирики. Чем холоднее и неприступнее была Амалия, успевшая выйти замуж за состоятельного помещика, тем совершеннее выражал любовную тоску и отчаяние странствующий из одного университета в другой будущий юрист. Итогом стала вышедшая в 1827 году «Книга песен» с ее вершинным циклом «Опять на родине», куда

Из Генриха Гейне не получился коммерсант, но его поэзия дорогого стоит

вошла и «Лорелея», мгновенно превратившаяся в народную немецкую песню.

В тридцатых годах, велел себе перестать «крутить любовную шарманку», Гейне целиком отдался другой страсти. Впрочем, тоже неразделенной: «О, Германия, моя недостижимая возлюбленная!» Неутоленное чувство, по-русски выраженное каменной строкой Некрасова — «Как женщину он родину любил» — изливалось в развернутые поэтические полотна и политическую прозу.

Немцы, отдавая должное своему лирическому гению, к его политическим эскападам и прославлению социальной революции относились со столь сильным напряжением, что Гейне был вынужден эмигрировать во Францию и за четверть века лишь дважды смог побывать на родине. К тому же немцев оскорбляло его еврейское происхождение. Во всяком случае, оно казалось объяснением язвительных нападок на великую Германию.

К тому же их начало раздражать новое отношение Гейне к романтическим чувствам. Скептический и насмешливый взгляд на женщин и открытое воспевание «свободной любви» («Женское тело — те же стихи!») настолько задела национальную добродетель, что Гейне был объявлен аморалистом, а публикация поэтического цикла «Разные» с десятком женских имен в посвящениях была в Германии запрещена.

Гейне в это время сменил не только направление творчества, но и образ жизни. Его спутницей во Франции стала юная парижская продавщица Матильда, ни слова не знавшая по-немецки и вызывавшая у него комическое отчаяние своей страстью к нарядам. Но и франсузы, революционностью которых Гейне неиз-

менно восхищался, долго не могли простить ему замечания — «легкость этого народа меня утомляет». Полюбили Гейне только в России.

Русской литературе как нельзя кстати пришлось фразе о трещине мира, прошедшей через сердце поэта. Фраза эта, видимо, отвечавшая русскому разночинскому художественному самосознанию, надолго определила отношения поэтов с собственным творчеством. Кстате пришлось и едкая ирония Гейне, и горьковатый привкус злости в его отношениях с родиной.

По русским переводам, впрочем, о Гейне судить трудно. Они слишком качаются на баюкающих ритмах отечественной силлаботоники. В финальных строчках «Лорелеи»: «Я знаю, волна, свирепея, Навеки сомкнется над ним. И это все Лорелея Сделала пеньем своим», — многовато меланхолии и вовсе не чувствуется того мерного, почти античного гула рока, который встает за рублинными немецкими словами. Сколько поэтических голов билось потом над переводом знаменитого и распетого на разные лады «Ich grolle nicht», но, кажется, только Иннокентий Анненскому удалось поймать сосущую боль от укусов «жадного змея» страдания, «все припадавшего» к измученному сердцу.

В начале XX века Анненский написал эссе с характерным названием — «Гейне и мы». Весь девятнадцатый век струя стихийного русского романтизма — от Лермонтова до Блока — осмысляла себя по отношению к Гейне. От его лирики легко перекидываются мостки к сарказму Саши Черного и резкой выразительности будничного слова у акмеистов.